

Шестое правило

Нина Кислицына

Шестое правило

<https://litres.ru/74507242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алину бросили — вежливо, обстоятельно и с полным перечнем того, чем она плоха. В тот же вечер, пьяная и опустошённая, она согласилась на встречу с незнакомцем с сайта знакомств и к утру об этом забыла.

А в четверг надела красное платье, которое бывший ненавидел, и пришла в кафе напротив своего дома — чтобы он увидел её и ушёл. Он не ушёл. Он заказал два медовика, постелил ей салфетку, назвался Кириллом и в конце вечера записал её номер в телефон.

Так начинается любовь, в которую Алина влюбляться не собиралась. Дальше будут прогулки до темноты, борщ на чужой кухне, правила, записанные в блокнот, ссоры до утра, мебельный, где они выбирают кровать, и девочка Оля, которая однажды скажет своё первое слово.

Книга о том, что любовь — это не громкие слова, а человек, который три года подряд записывает тебя в блокнот и не вычёркивает.

Нина Кислицына

Шестое правило

Глава 1

Пирог «Наполеон» Алина несла двумя руками, как поднос с чужим орденом. Коробка промякла ещё в маршрутке, крем потихоньку вылезал по углам и лип к пальцам, а в автобусе было так, что кондукторша обмахивалась своим же билетным блоком. Июнь взял город за горло и не отпускал до полуночи.

Андрей сказал в среду: «Приходи в пятницу, поговорим». Три дня Алина жила с этим «поговорим», как с билетом на поезд, который вот-вот уйдёт. Они поссорились две недели назад — из-за того, что она вышла к его друзьям в футболке с надписью, из-за того, что не поздоровалась с каким-то Виталиком как надо, из-за того, что вообще. Алина не помнила точно, из-за чего. Ссоры с Андреем всегда начинались с чего-то мелкого и разрастались до размеров квартиры, в которой они обе жили одни.

«Поговорим» — значит помиримся. Значит, она испечёт наполеон. Мама говорила: если мужчина злится, испеки ему что-нибудь. Правда, мама же говорила, что с мужчиной, который злится два раза в месяц, надо что-то решать, но это Алина вспоминать не стала.

Она поднялась на четвёртый, поправила коробку и позво-

нила. Открыли сразу, будто ждали у двери.

Андрей стоял в новой рубашке — той, песочной, которую она ему дарила на Новый год и которая лежала нераспакованной в шкафу, потому что «зелёный мне не идёт», хотя рубашка была песочная. И квартира за его плечом пахла лимоном.

— Заходи, — сказал он. — Только ноги вытри, у меня чисто.

Алина замерла с тортом.

У него было чисто. В коридоре не валялись его кроссовки сорок шестого размера, которые она всегда отпихивала, чтобы пройти. На вешалке висели две куртки, и обе были не её. На кухонном столе блестел чайник, под которым не было подгоревшего кольца. За две недели, что они не виделись, Андрей научился жить.

— Ты убрался, — сказала она.

— Да.

— Сам?

— Ну не ты же.

Алина решила, что это шутка. Она прошла на кухню, поставила коробку на стол и начала открывать её — крем всё-таки поехал по левому борту.

— Это наполеон, — сказала она. — Я вчера пекла, ночь почти не спала, коржи надо на сутки под пресс. Помнишь, ты говорил, у тёти Лены был вкусный? Вот я подумала...

— Алина, сядь.

Она села. Он остался стоять, и это было первое, что ей не понравилось: он стоял, а она сидела, как в кабинете директора.

— Я в общем, — сказал Андрей и посмотрел мимо неё, на холодильник. — Я к Лере ухожу.

Алина не сразу поняла, о какой Лере.

— Которой Лере? — спросила она. — Из твоего спортзала?

— Из маркетинга.

— У вас же там только Лена и Марина.

— Лера из маркетинга, — повторил он с той интонацией, с которой объясняют таблицу умножения. — Мы с ней месяц.

Месяц. Она посмотрела на свои руки с липкими от крема пальцами и стала их вытирать о салфетку, медленно, по одному пальцу.

— Ты полтора года со мной, — сказала Алина. — И месяц...

— В общем, вещи твои я собрал. — Он кивнул в коридор. — Там два пакета и твоя куртка. Ещё зонт, зелёный, он твой, наверное.

Зонт был её. Зонт был куплен за двести рублей у метро, и ей вдруг стало до слёз жалко именно зонта.

— Андрей, погоди. Давай...

— Давай без этого, — сказал он, и вот тут, видимо, в нём что-то открылось, потому что дальше он заговорил быстро и с удовольствием, как человек, репетировавший. — Алина,

ну сколько можно. Ты дома не готовишь. Что ты готовишь? Макароны с сосисками. Я три раза просил борщ. Три раза!

— Я один раз не умела ещё, — сказала она, — там капуста...

— Квартира у тебя как после бомбёжки. Я прихожу — везде твои вещи, везде какие-то баночки, перед сном ты мажешься, полчаса перед сном! Ты хоть раз убралась, когда я просил?

— Я убиралась, — сказала Алина. — В субботу всегда.

— Ты полтора раза убралась.

— Ты в субботу спишь до двух!

— И самое главное. — Он поднял палец, и этот палец ей тоже не понравился. — Одеваешься ты, Алина, так, что мне стыдно. Ты понимаешь, что стыдно? Вот это платье красное, в которое ты влезаешь. Ты в нём как... — он искал слово и нашёл то, которое, похоже, считал точным, — как с панели. Идёшь, и все оборачиваются. Мне мужчины на работе говорили: ты что, с ней?

Алина встала.

— Я в нём на твой корпоратив пошла, — сказала она. — Ты сам просил покрасивее.

— Я просил красиво, а не вот это.

— А с друзьями ты меня почему не знакомишь?

— Потому что мне за тебя неудобно, — сказал Андрей, и это было самое простое, что он сказал за весь вечер. Он произнёс это без злости, как про погоду. — Ты сама-то на

себя посмотри. Ты ни поговорить, ни... — он махнул рукой, — ни в постели.

Кухня стояла очень тихая. За окном во дворе кто-то рубил дрова на четвёртом этаже, что было совершенно невозможно, но звук был именно такой.

— В постели, — повторила Алина.

— Ну не мне же одному.

— Ты полтора года не говорил.

— А что говорить, — вздохнул Андрей. — Что уже говорить.

Он пошёл в коридор и вернулся с двумя пакетами. Один был из «Магнита», с ручками, второй — серый, прочный, из тех, что дают за баллы. В сером лежало что-то угловатое, кажется, фен.

— Куртка там, на вешалке, — сказал он. — И зонт.

Алина взяла пакеты. Они были не тяжёлые.

— Торт себе забирай, — сказал Андрей. — Я сладкое не ем.

— Ты ел. Я тебе в феврале...

— Забирай, Алина.

Она положила коробку сверху, на пакеты, прижала подбородком, и дверь открылась у неё за спиной сама, потому что Андрей уже тянулся к ручке.

На лестнице пахло старым железом и жареной картошкой с пятого. Алина прошла один марш, села на подоконник между этажами, поставила пакеты и поняла, что не знает, что

делать с руками. Руки надо было чем-то занять. Она открыла коробку. Крем всё-таки вытек с левого борта и прилип к стенке, как живой.

Съела два куса, потом ещё один. Наполеон получился хороший — коржи пропитались, крем держал форму до последнего, пока коробка не поехала в маршрутке. Если бы Андрей попробовал, он бы, наверное, сказал, что переслащено. Ему всё было переслащено.

На площадке пятого этажа хлопнула дверь. По лестнице спускалась соседка — маленькая, в бирюзовом халате и с мусорным ведром в руке. Алина узнала её: она иногда стояла у подъезда с двумя кошками и жаловалась на управляющую компанию.

— Девушка, вы что тут сидите? — спросила соседка.

— Отдыхаю.

Соседка посмотрела на пакеты, на открытую коробку с тортом, на Алинино лицо, которое уже начало распухать, и, судя по всему, всё поняла с первого раза.

— А, ну отдыхайте, — сказала она мирно и пошла дальше вниз, но через две ступеньки обернулась. — Вы не переживайте. Я тридцать лет с одним прожила. Он тоже всё говорил, что я готовить не умею. Помер в прошлом году. Я теперь готовлю только себе, и знаете — вкусно.

Ведро загремело и стихло.

Алина закрыла коробку, собрала пакеты и встала. Ноги к этому времени затекли, а на левой туфле развязался бантик,

и она завязывать его не стала.

На улице стояло пекло. Восемь часов вечера, а асфальт держал жар, как утюг. Алина пошла к остановке, но на полпути поняла, что автобуса не хочет, и пошла пешком — через дворы, мимо детской площадки, где три мальчика лет девяти азартно забивали мяч в кольцо без сетки и орали так, что воробьи слетали с проводов.

Пакет из «Магнита» начал резать руку. Алина переложила его на сгиб локтя и пошла дальше, глядя под ноги.

В голове у неё всё это прокручивалось, как плохо смонтированный фильм, где один и тот же кадр ставят дважды. Борщ. Картошка с сосисками. Красное платье. «Мне за тебя неудобно». Полтора года. Месяц с Лерой из маркетинга. И ни разу, ни одного вечера за полтора года она не слышала от него ничего похожего — а сейчас он выложил всё сразу, аккуратно, по пунктам, как будто сдавал зачёт и заранее готовился.

Она вспомнила, как в марте ждала его до двух ночи с остывшими котлетами, потому что у них «корпоратив». Как в мае он уехал с друзьями на рыбалку и не позвонил ни разу, а потом сказал, что «там связи не было», хотя в машине с ним сидел Виталик, и Виталик в тот же вечер выложил четыре сторис с озера, все четыре с полной шкалой сети.

Алина остановилась посреди перехода, чтобы перевести дыхание. Мимо прошла девушка в жёлтых кроссовках, с рожком мороженого, и с интересом посмотрела на женщину

в чёрных туфлях, которая стоит на раскалённом асфальте с двумя пакетами и тортом.

— Всё нормально? — спросила девушка.

— Нормально, — сказала Алина. — Спасибо.

Она дошла до дома, поднялась на третий, открыла дверь, включила свет и остановилась в прихожей. Её квартира стояла точно такая, какой она её утром оставила: чашка на столе, носки на стуле, крем открытый, зеркало в ванной забрызгано с утра пастой. Полтора года Андрей говорил, что тут бардак. А Алина смотрела и не понимала, где он.

Она поставила пакеты в коридоре, отнесла торт на кухню и поставила на стол — аккуратно, в центр, как на праздник. Потом села на пол в прихожей, потому что стул надо было бы отодвигать, и достала телефон.

«Магнитовский» пакет она всё-таки открыла первой. Внутри лежала её футболка с надписью, синяя, с потёртым принтом; зарядка; какая-то книга, которую она даже не начинала; и одна серёжка. Второй не было.

— Значит, фен, — сказала Алина в голос и вытряхнула серый пакет. Из него выехал фен, за ним — зелёный зонт, сложенный криво, как его складывают все, кто никогда не складывал, и одна домашняя тапка.

Алина посмотрела на тапку. Потом на серёжку. Потом на открытый крем в ванной.

И засмеялась. Сначала тихо, потом всё громче, стоя на полу в прихожей в туфлях на шпильке, потому что сесть неку-

да, а тапки в руках и только одна, и это было настолько ровно то, чего она заслужила в этот вечер, — одна тапка из двух, — что она согнулась пополам и смеялась до коликов, пока из глаз не пошло то, что идёт обычно не от смеха.

Она вытерла лицо ладонью, открыла в телефоне чат с девочками и записала голосовое. Первое вышло на две минуты, сплошной шум и «девочки, он меня...», она его стёрла. Второе получилось коротким.

— Девки. Он принёс мне два пакета. Точнее, один серый, из баллов. Там тапка одна. Приезжайте. У меня торт и никого.

Отправила. Посмотрела на торт. Потом встала, сняла туфли и пошла в душ.

Вода в душе шла сначала рыжая, потом нормальная. Алина стояла под ней, пока горячее не кончилось совсем, и вылезла, когда стало холодно. Полотенце оказалось тем самым, серым, с вытянутой петлёй на углу. Она обмотала его вокруг головы, посмотрела на себя в забрызганное зеркало и вытерла его ладонью — безо всякой цели, просто чтобы увидеть лицо.

Лицо было красное и опухшее, но не такое страшное, как ей казалось в маршрутке.

Алина прошла в комнату, открыла шкаф и вытащила из глубины ту самую футболку — синюю, с принтом, с потёртой надписью, которую Андрей называл «деревенской». Она не

надевала её месяцев восемь. Надела сейчас. И сразу вылезли мокрые волосы из полотенца на плечи, и футболка стала мокрой на спине двумя тёмными полосами, и это было совершенно неважно.

Потом достала из шкафа то, что висело в самом углу в чехле, — красное платье. То самое, из-за которого ей было стыдно. Она вынула его, расправила на кровати, разгладила ладонью складку на боку и посмотрела. Платье как платье. Хорошее платье, между прочим, из «Зарины», со скидкой, но всё равно денег стоило. Алина в нём и правда была — ничего себе.

В коридоре тренькнул телефон. Потом ещё раз. Потом сразу три раза подряд, и через стену было слышно, как на лестнице кто-то топает вверх по два этажа за раз.

— Али-и-инка! — заорали из-за двери. — Открывай, у меня руки в пакетах!

Алина пошла открывать, забыв, что на ней только футболка и мокрое полотенце на голове. На пороге стояла Катя — вся в кудряшках, потому что на улице была влажность, и с четырьмя пакетами: два в руках, один прижат к груди подбородком, ещё один болтался на локте. Из верхнего торчало горлышко бутылки.

— Ты чего мокрая? — спросила Катя, обходя её. — Так, тапки где?

— Одна.

— В смысле одна?

— Вот, — сказала Алина и показала.

Катя посмотрела на тапку. Потом на Алину. Поставила пакеты на пол, сняла свои босоножки, вынула бутылку и сказала:

— Значит, так. Сейчас придёт Натаха, у неё шашлык в фольге, я не знаю, зачем она его купила, но она купила. Я привезла вино, мороженое и, — она вытащила из пакета третью вещь, — тапки. Свои. Вторые. Будешь в них. Одна тапка, другая, какая разница.

— Как это какая разница, — сказала Алина.

— В том-то и разница, что никакой. — Катя взяла серёжку со стола, повертела её и надела Алине в ухо. — Вторую купим. Или нет. У тебя волосы здесь. Пусть будет.

Она щёлкнула зажигалкой над конфоркой, поставила чайник и включила на телефоне что-то громкое и танцевальное, чтобы кухня не стояла тихая. Алина завязала полотенце потуже, сняла с него свои туфли и сунула ноги в Катины тапки — бордовые, чужие и на два размера больше.

Торт стоял в центре стола, всё ещё открытый, с вытекшим кремом.

— Это что? — спросила Катя.

— Наполеон. Я два дня.

Катя заглянула в коробку, отломала кусок большим пальцем, съела и сказала с набитым ртом:

— Ну вот. А ты говорила — руки не из того места.

Наташа пришла через полчаса, с фольгой, которая уже

успела остыть, с сумкой, из которой торчал лаваш, и с лицом человека, готового к бою.

— Где он? — спросила она с порога.

— Уехал к Лере из маркетинга.

— Уехал. — Наташа разулась, посмотрела на коридор, на пакеты, на тапку. — А почему тапка одна?

— Об этом весь вечер, — сказала Катя.

Наташа поставила фольгу на плиту, развернула — внутри были шашлыки, и правда чуть тёплые, — и начала разбирать пакеты с той деловитостью, с которой она всегда делала всё: быстро, толково, с приговором вслух. Пока раскладывала, она успела сказать, что Андрей всегда был никакой, что она это говорила ещё на Катином дне рождения, что она это говорила в прошлом августе, что она это говорила в феврале. Что Алина просто не слышала, потому что Алина — человек, который слышит только то, что хочет.

— Я его защищала, — сказала Алина.

— Ты его кормила, — поправила Наташа. — Ты мне в марте звонила в двенадцать ночи и спрашивала, как убрать пригоревшее молоко, потому что он придёт и будет ругаться. Ты вызвала клининг за свои деньги, чтобы он не заметил, что ты не убралась. Ты, Алина, — она положила вилку, — ты платила чужим тётям за то, чтобы тебя не ругали. Это не мужчина. Это ревизор.

Катя налила вино в три чашки, потому что бокалов было два, а третья чашка была с зайцем.

— За что пьём? — спросила она.

— За свободу, — сказала Наташа.

— За тапку, — сказала Катя.

— За тапку, — согласилась Алина и выпила.

Вино ударило в голову быстро, потому что она с утра ничего не ела, кроме двух кусков наполеона на лестнице. Шашлык остыл окончательно, но с лавашом и кетчупом из холодильника пошёл прекрасно. Катя рассказывала про своего, который не вынес из квартиры пакет с мусором, и это была история долгая. Наташа рассказывала про клиентку из её парикмахерской, которая развелась с мужем и через месяц покрасилась в рыжий и помолодела на десять лет. Алина слушала и вдруг поняла, что ей легко.

Она не помнила, когда последний раз ей было легко в пятницу вечером.

Ей не надо было смотреть на часы. Не надо было прикидывать, в каком настроении он придёт. Не надо было мыть посуду до его прихода и ставить кастрюлю так, чтобы её не было видно от двери.

— Знаете что, — сказала Алина и встала. — Я сейчас.

Она ушла в комнату, вытащила из шкафа чёрный пакет с вещами, которые Андрею не нравились: ту футболку, джинсовую юбку, которую он называл «школьной», и целую пачку его старых подарков, которые ей ничего не значили. И вынесла всё это в прихожую, и поставила у двери, и села обратно за стол.

— Это куда? — спросила Катя.

— В мусорку. Завтра. Или в благотворительность. Там бокс у метро.

Наташа посмотрела на пакет, потом на Алину, потом снова на пакет и сказала:

— Вот это уже похоже на тебя.

Катя зааплодировала. Полотенце с головы Алины съехало на плечо, и она его стянула и бросила на стул. Вино в чашке с зайцем допивалось уже без причины, просто потому что налито. В открытое окно тянуло тёплым — не прохладой, а именно теплом, тем июньским, ночным, в котором пахнет асфальтом и тополиным пухом. Где-то у соседей работал телевизор, и слышалось, как ведущий что-то бодро говорит про погоду.

— А вообще, — сказала Катя, разваливаясь на стуле, — тебе надо на сайт знакомств залезть.

— Зачем?

— А просто. Не для того, чтобы кого-то найти. Просто чтобы посмотреть, сколько там нормальных. Проверить, что ты вообще на рынке есть.

— Не хочу я.

— Не хочу она. — Катя придвинула к ней телефон. — Алина, посмотри, вот здесь у меня приложение. Я тебя даже не регистрирую, ты просто полистаешь. Там мужчины. Целые, взрослые, некоторые с руками и с квартирой. Иногда очень смешные. Один мне написал «у вас красивые глаза,

как у моей собаки». И фотографию собаки прислал. Овчарка, между прочим.

Алина отломилась ещё кусок торта и посмотрела на телефон Кати, на котором светились чужие лица, и рассмеялась.

Катя всё-таки установила приложение — не на свой телефон, а на Алинин, под её протесты, и зарегистрировала, потому что «ты всё равно сама не сможешь, ты там три часа будешь имя выбирать». Имя она поставила «Алина», без за-тей, и фото взяла то, где Алина смеётся в парке, с мороженым, и где у неё, по мнению Кати, «нормальное лицо, а не как на паспорт».

— Возраст тридцать два.

— Мне тридцать.

— Ну и что. Тридцать два — это когда женщина уже знает, чего хочет. Мужчины это любят.

— Я не знаю, чего хочу.

— Вот именно. Поэтому тридцать два.

Потом Катя ушла курить на балкон и оставила телефон на столе, потому что все её планы заканчивались на самом интересном месте. Наташа ушла за ней, держа чашку с зайцем. Алина осталась одна на кухне с тортом, вином и открытым приложением, и на экране одно за другим выезжали лица.

Она листала без интереса, как листают объявления о продаже машин, и половину отбрасывала не читая. Один был в очках и в шляпе, которая стоила больше, чем её зарплата. Второй поставил фотографию с рыбой — не просто с рыбой,

а с рыбой на вытянутых руках, и от этого рыба казалась метра полтора. Третий написал в описании: «Ищу женщину, которая не будет тр*хать мне мозг». Алина хмыкнула и нажала «пролистнуть».

Вино в чашке кончилось. Она взяла бутылку и налила ещё, не глядя на уровень, потому что кухня уже немного плыла по краям, а это как раз было приятно.

На четвёртом или пятом десятке лиц её палец остановился.

С фотографии смотрел мужчина. Не в шляпе, не с рыбой, не в очках на пол-лица. Он сидел, кажется, на веранде, за столом, в белой рубашке с закатанными рукавами; темноволосяй, с короткой щетиной, смотрел прямо, и в этом взгляде не было ни «пр*хать мне мозг», ни рыбы, ни позы. Алина смотрела на него довольно долго, потом поняла, что делает, отругала себя и всё равно продолжила смотреть.

Лицо было знакомое. Упрямо, до зуда, знакомое. Так бывает, когда встретишь кого-то в другом городе и весь день потом вспоминаешь, где вы вместе учились. Алина перебрала: школа, универ, работа, тренажёрный зал, куда она записалась в январе и сходила пять раз, свадьба двоюродной сестры, лагерь, ежедневник, гараж, папины друзья. Ничего.

— Кто это? — спросила она вслух, ни к кому.

Пришлось проверить, и это, наверное, была самая большая наглость за весь вечер: она нажала сердечко. Через минуту пришло уведомление, что у них взаимно. Через секун-

ду — сообщение.

«Кирилл. Добрый вечер. Как ваши дела?»

Алина посмотрела на это, потом на свои две чашки вина, потом на балкон, откуда доносились Катины восторги по поводу какой-то незнакомой бабушки с бульдогом. И написала.

«Добрый вечер. Дела отлично. Точнее, не отлично, но я почти уверена, что отлично».

«Тогда уточним. Что случилось?»

«У меня сегодня случился развод. Ну не развод. Расставание. И мне принесли тапку. Одну.»

Она думала, он не ответит. Или ответит «сочувствую» и отвалится. Он ответил:

«Одну — это сильно. Парную оставил себе?»

Алина засмеялась, одним звуком, громко, и зажала рот ладонью.

«Кажется, да. И серёжку. Одну.»

«Значит, человек любит симметрию. Полтора комплекта у него, полтора у вас. Логично.»

«Вы правда так думаете или вы меня смешите?»

«Я вообще-то сварщик. У меня с логикой строго.»

Алина фыркнула и отпила из чашки. Они писали, кажется, час. Оказалось, что он любит именно то, что ей казалось странным: что она на первом свидании заказывает десерт до еды, что спит с открытой форточкой даже в мороз, что громко молчит. Он писал быстро и коротко, без смайликов там, где они не нужны, и без «давайте познакомимся поближе, я

серьёзный мужчина», и от этого с ним было легко, и Алина поняла, что уже минут сорок улыбается в чашку.

— Ты с кем там? — крикнула с балкона Катя.

— Ни с кем!

— С кем?!

Катя и Наташа вошли, обнявшись, посмотрели на экран через её плечо и обе застыли.

— Это кто? — спросила Наташа.

— Кирилл.

— Он из фотобанка?

— Почему из фотобанка?

— Потому что так не бывает, — сказала Наташа. — Алина. Покажи ещё раз.

Алина показала. Катя застучала пальцем по столу, как застукивают на экзамене шпаргалку.

— Охренеть, — сказала она. — Девочки. Ну вы поняли. Охренеть.

Тут пришло:

«Хотите, встретимся?»

Алина посмотрела на Катю. Катя посмотрела на Наташу. Наташа посмотрела на торжественное, как у пингвина, лицо Кати и спокойно сказала:

— Пиши «давай». В кафе на Победе, оно у неё под окнами, я там завтрак ела, там нормальные слойки. Если он маньяк, он далеко не уедет.

«Давайте. В кафе «Черёмуха», на Победе, это рядом со

мной. В четверг часов в семь?»

«Отлично. В четверг в семь.»

Наташа добила вино. Катя, уходя, ещё раз обняла её в коридоре и сказала на ухо: «Только не отменяй, ладно? Я знаю тебя», а Наташа крикнула с лестницы, что шашлык в фольге она оставила, чтобы Алина его доела, потому что мясо — лучшее лекарство от грустных мыслей. Дверь закрылась. Ключи дважды повернулись.

Алина сняла чужие тапки, прошлёпала на кухню, выключила свет и легла на кровати, не упраскив даже одеяло. Телефон она положила на подушку рядом и смотрела в переписку, пока буквы не начали расплываться. Часы показывали 01:40. В окне было тепло и по-летнему светло от фонаря; под окнами кто-то проехал на велосипеде, включив музыку на телефоне, и музыка быстро стихла.

Последнее, что Алина подумала, прежде чем уснуть: «Сварщик. В белой рубашке». Разбудил её не будильник, а голуби. То есть сначала голуби, потом жажда, потом уже всё остальное.

Алина открыла глаза и поняла, что лежит поперёк кровати, головой к стене, а ноги свисают, и что во рту у неё — как будто ночевал отряд сапёров. Солнце било в шторы так, что шторы, кажется, просвечивали. Она попробовала повернуть голову и обнаружила, что голова прикручена и поворачиваться отказывается.

На кухне кто-то оставил чайник с водой и три чашки, одна

с зайцем. В раковине лежала фольга. На столе стояла коробка с наполеоном, от которого осталась примерно треть, и это было единственное приятное открытие за последние двенадцать часов.

Алина налила себе воды из-под крана, выпила, потом ещё, потом села на табурет и стала вспоминать.

Андрей. Это вспомнилось сразу и целиком, вместе с серым пакетом и тапкой, и тапка вспомнилась так ясно, что Алина застонала и уронила голову на стол. Дальше шло пятнами: приход Кати, шашлык, бутылка, торт. Тут она задумалась. То есть — как это закончилось? В памяти отчётливо стоял момент, когда Катя возилась с её телефоном и говорила про овчарку. После этого — провал. Потом, кажется, у неё был какой-то разговор, длинный, хороший. С кем — неизвестно.

Телефон лежал на подушке. Алина нашла его, приложила к лицу и поняла, что разряжен он ещё ночью: чёрный экран, ни на что не реагирует. Она поставила его на зарядку и ушла в душ.

Под водой стало легче — не намного, но стало. Она вылезла, завернулась в халат, выпила ещё воды и поставила на плиту чайник. Голова начала работать, как старый компьютер: сначала загудела, потом всё-таки загрузилась.

Телефон тренькнул и ожил сразу десятью уведомлениями. Алина не успела на них посмотреть — он зазвонил, и на экране было «Катя».

— Ты живая? — спросила Катя.

— Почти.

— Голова?

— Есть.

— Ага. — Катя помолчала ровно столько, чтобы Алина успела испугаться. — Слушай, ты только не отменяй.

— Что не отменяй?

— Алина.

— Что «Алина»? Я не помню ничего.

— Замечательно, — сказала Катя. — Значит, я напoминаю. Ты вчера зарегистрировалась на сайте знакомств. Мы тебя зарегистрировали. Я тебя зарегистрировала, ладно, признаю, но ты не сопротивлялась. Ты там нашла мужчину. Он красивый. Не «ничего», а прямо красивый, я видела, у меня глаза есть. И вы с ним договорились встретиться в четверг в семь в «Черёмухе», это у тебя под окнами.

Алина накрыла ладонью лоб.

— Не было такого.

— Было.

— Кать, я была...

— Ты была не настолько, — отрезала Катя. — Ты писала ему час. Час, Алина. Меня уже Натаха домой утащила, а ты ещё сидела и улыбалась в чашку.

Алина посмотрела на телефон, нашла в нём новое приложение, открыла, и оно честно показало всё: профиль, фотографию в парке с мороженым, возраст «тридцать два», пе-

реписку на две с половиной прокрутки и последнее сообщение: «Отлично. В четверг в семь».

— Господи, — сказала она. — Он сварщик.

— В смысле?

— Он написал, что он сварщик. Строгая логика.

— Отлично, — сказала Катя без всякой паузы. — Сварщики нормально зарабатывают. Ты идёшь.

— Я не иду.

— Идёшь. Алина, ты меня слышишь? Ты сейчас скажешь «я не пойду», потом скажешь «мне нечего надеть», потом ты ляжешь на диван, будешь смотреть сериал про ментов и плакать в тапку, которая у тебя одна. Нет. Не будет этого.

— Я не могу идти на свидание через двое суток после того, как меня...

— Подумай, кому ты это говоришь. — Катя вздохнула, и по этому вздоху Алина поняла, что сейчас начнётся серьёзная часть. — Он тебе сказал, что ты в постели никакая. Он тебе сказал, что тебе стыдно с ним появиться. Он никуда тебя с собой не брал, ни с кем не знакомил, потому что ему было «неудобно за тебя». Тебе было неудобно за себя полтора года, Алина. А теперь ты сидишь в своей квартире, в четверг будет женщина, которая наденет платье и пойдёт в кафе. Платье, которое он ненавидел.

Алина молчала. В трубке слышалось, как Катя помешивает что-то ложкой по кружке.

— Натаха сказала, что если ты не пойдёшь, она не будет

тебе больше ничего советовать, — добавила Катя. — И я тоже. Мы просто придём в четверг и будем сидеть у тебя до семи.

Это была реальная угроза, и она работала.

— Хорошо, — сказала Алина. — Я пойду. Но если он...

— Он красивый. Ты сама согласилась, у меня фотография есть. Всё. Пей рассол, поправляйся. В четверг я за тобой еду.

Она отключилась. Алина пошла в комнату, зажмурилась от солнца, открыла шкаф, отодвинула вещи и достала чехол. Платье висело там, где она его оставила ночью — то есть сама она его, оказывается, вешать не стала, оно лежало поверх кровати. Красное. Из «Зарины». Со скидкой.

Она приложила его к себе перед зеркалом, повернулась на бок, потом на другой.

— Ну попробуй, — сказала она отражению.

До четверга оставалось два дня, и оба она провела в делах, чтобы не думать. Нет, чтобы думать, конечно, — она думала всё время, — но с делами думалось как-то бодрее.

В среду Алина разобрала шкаф. Не просто перебрала — вытряхнула всё на кровать и честно разложила на три кучи. «Ношу» получилось мало. «Не ношу, но жалко» — много. «Он говорил, что это ужас» — тоже много, и почему-то именно в этой куче лежали вещи, которые она любила больше всего: юбка, блузка с рукавами-фонариками, туфли с ремешками, старые джинсы, которые сели по фигуре так, как

новые джинсы никогда не сядут. Алина сложила эти вещи обратно в шкаф. Остальные — в чёрный пакет.

Приложение она открывала вечером, в кровати, как открывают соцсеть. Кирилл ответил ещё в четверг в полвосьмого утра: «Доброе утро. Как голова?» Она тогда написала «вы её не знаете, а голова моя», и он написал «значит, всё как надо», и на этом они остановились. Больше он не писал. Два дня не писал, и Алина не знала, что об этом думать. То есть знала: нормальный человек не будет навязываться. Но где-то в углу всё равно сидело: а если передумал.

В четверг она пришла с работы, поставила сумку на пол, открыла холодильник — там стояла фольга с остатками шашлыка и половина наполеона на тарелке, — и начала собираться в шесть. Планировала за полчаса: душ, волосы, платье, туфли. В половине седьмого в дверь позвонили. Катя пришла с косметикой в пакете и с Наташей за спиной. Наташа пришла с феном и с очень конкретным выражением лица. Они вдвоём заняли всю квартиру сразу: Катя села на табурет и разложила на столе кисти, как хирургический набор; Наташа поставила фен на подоконник, выдернула удлинитель и скомандовала:

— Мойся. Быстро. У нас сорок минут.

Алина мылась. Её сушили и расчёсывали, потом Наташа жгла пальцы утюжком и вытягивала прядь за прядью, а Катя при этом говорила, что если он окажется скучным, надо будет встать и уйти, потому что она сама так делала дважды,

и это, между прочим, работает. Потом Катя нарисовала ей стрелки — не свои фирменные чёрные длинные, а короткие, аккуратные, какие Алина носила сама и какие Андрей называл «кукольными». Алина увидела в зеркале, как её лицо с этими стрелками поехало набок и стало чужое, но чужое было ей приятно.

Платье надевали как ритуал. Наташа держала молнию, Катя приговаривала «дыши, дыши», и молния сошлась.

— Охренеть, — сказала Катя и даже отступила на шаг. — Алина. Ты чего в этом не ходила?

— Мне сказали, что я в этом как с панели.

— Ну да, — кивнула Катя. — Знаешь, что это значит? Это значит, что он видел, как ты выглядишь, и не хотел, чтобы на тебя смотрели. Оденься, Алина.

Туфли стояли в коридоре. Те самые, на высокой шпильке, из «Зарины», купленные на распродаже и надеванные ровно два раза: оба — на поминки надежд. Высота десять. Алина качнулась, сделала два шага по коридору и остановилась — ноги отвыкли, но держали.

Наташа оглядела её всю, сверху вниз, и сказала:

— Ну.

— Что «ну»?

— Ничего. Красота. — Наташа взяла свою сумку. — Всё, мы пошли, ты от нас отдохни. Мы тебя не ждём, но мы будем в телефоне.

Она ушла. Катя у двери обняла Алину, прижалась щекой и

сказала совсем тихо, чтобы Наташа на лестнице не слышала:

— Если что, я тебе позвоню, а ты скажешь, что у тебя случилось, и уйдёшь. Как будто у тебя есть план. План есть?

— Есть.

— Вот. Иди.

Дверь закрылась. В квартире стало слышно, как тикают часы на кухне и как журчит труба в стене.

Алина не стала ничего есть, хотя не ела с работы. Она выпила воды, поправила стрелку у правого глаза, положила в маленькую сумочку телефон, ключи, деньги и, не успев подумать, — подумала и всё-таки сунула туда влажную салфетку. Потом вышла.

Во дворе было семь. Июньский вечер только-только начал смягчаться: солнце ушло за крышу, асфальт отдавал жар, дети орали у качелей, у подъезда на скамейке сидели четыре бабушки с двумя колясками и собакой и смотрели на всех, кто выходил. Алина спустилась со ступенек, и бабушки все четыре повернулись одновременно, как одна.

— Девушка, куда такая красивая? — спросила одна с белым платком.

— В кафе.

— А, ну сходи, сходи, — сказала бабушка и вернулась к собаке. — Хорошее кафе.

Кафе «Черёмуха» было в двух шагах, у угла дома, и там же был вход в «Магнит» и в аптеку, поэтому мимо всегда шли люди. Терракотовые стены, четыре столика у окна, гирлянда

на веранде, которая светилась весь год. Алина остановилась у двери, посмотрела на своё отражение в стекле, поправила волосы и поняла наконец, откуда взялась вся эта идея.

Ей не надо было ему понравиться. Ей надо было увидеть, как он передумает сразу, с ходу, с первого взгляда, — и уйти домой с чистым сердцем, как будто сама так решила.

Она открыла дверь.

Внутри пахло кофе и ванильным сиропом, играло что-то тихое, у окна сидели две девушки с ноутбуками, за стойкой скучала девушка в фартуке. За четырёхместным столом в углу — там, откуда видно вход, — сидел мужчина в белой рубашке с закатанными рукавами. Перед ним стояла чашка, к которой он почти не притронулся. Он смотрел не в телефон, а на дверь.

Когда Алина вошла, он встал.

Он встал не резко, а как-то спокойно, и стало видно, что он и правда высокий, и что рубашка на нём белая не «рабочая», а просто белая, выглаженная, с мягким воротником. Ему шло. Але это разозлило.

— Алина? — спросил он.

— Кирилл, — сказала она вместо ответа.

— Я.

Он отодвинул ей стул, и Алина села, и туфли тут же обиженно стукнули об пол, и она подумала, что десять сантиметров — это всё-таки перебор для человека, который последние полтора года ходил в кроссовках, потому что «каб-

луки у тебя какие-то дурацкие».

— Вы очень красивая, — сказал Кирилл.

Алина подняла на него глаза. Она готовила себе три варианта: он скажет «вы не похожи на фото», он посмотрит на неё и подожмёт губы, он скажет что-нибудь про «в жизни вы интереснее». Она не готовила этот.

— Спасибо, — сказала она недоверчиво, как будто он передал ей сдачу и ошибся на сотню.

— Не за что. Всегда приятно, когда человек приходит в кафе не потому, что больше некому.

— А как вы поняли?

— Я тут сорок минут. — Он пододвинул к ней меню, но не открыл. — Вы вошли бодро. На меня так не приходят люди, которые готовы понравиться.

Алина не нашла, что сказать, и открыла меню, чтобы спрятаться. Меню было огромное, ламинированное, с фотографиями, где сырники блестели, как украшения.

— Тогда я, пожалуй, закажу десерт, — сказала она. — Сразу. Без супа.

— Хорошая идея.

— Вы не будете говорить, что это неправильно?

— Я буду говорить, что вам надо взять два, — сказал Кирилл. — Потому что один вы съедите и будете смотреть в мою тарелку.

— У меня не будет ничего в тарелке.

— Поэтому и два.

Он поднял руку, и девушка в фартуке подошла, и Кирилл сказал: «Два медовика и, — он посмотрел на Алину, — вам что из напитков?» Алина сказала «капучино», он сказал «и мне тоже».

Пока несли, Алина его разглядывала украдкой, как разглядывают плохую оценку в дневнике — искоса, с надеждой, что показалось. Не показалось. Загорелое лицо, короткая стрижка, темные волосы с проседью на висках — небольшая, аккуратная. На левой руке, ближе к локтю, маленький белый шрам. Он смотрел на неё совершенно спокойно, без оценки, и от этого спокойствия Алине хотелось сделать что-нибудь нелепое, просто чтобы проверить, есть у него предел или нет.

— Я вот что хотела спросить, — сказала она. — Вы правда сварщик?

— Правда.

— В белой рубашке.

— Я её надеваю, чтобы не пугать людей, — сказал Кирилл. — Вообще-то после работы я хожу в чёрном.

Алина фыркнула. Медовик приехал, и оба медовика оказались с завитком шоколада и с ягодой на боку, и Алина взяла вилку и не стала ничего откладывать.

— А вы? — спросил он.

— Я работаю в «Стройсервисе». Сметчик.

— Ого.

— Что «ого»?

— Сметчик — это человек, который знает, сколько всё стоит, — сказал Кирилл. — И при этом приходит на свидание в красном платье и сразу заказывает десерт. У меня сейчас в голове что-то не сходится.

— Пусть не сходится, — сказала Алина. — Это сейчас мой основной принцип.

Он засмеялся. Смех у него был короткий и настоящий, он не изображал, что ему смешно, — и Алина вдруг заметила, что улыбается тоже, уже второй раз за минуту.

Они проговорили сорок минут. Оказалось, что он смотрит сериалы, которые она считала ерундой, но по его словам выходило, что это нормально; что у него есть брат на Сахалине, с которым они раз в год созваниваются и разговаривают сорок восемь минут ровно; что он не умеет плавать и не собирается учиться, потому что ему сорок один год и это уже решённый вопрос. Алина рассказывала про смету на ремонт школы, где подрядчик заложил три холодильника, а школа была на пятьдесят мест, и про то, что она однажды выиграла городской конкурс чтецов в четвёртом классе. Про Андрея — ни слова. Он не спросил.

В конце она всё-таки не выдержала.

— Скажите, а мы с вами не виделись раньше? У вас такое лицо...

— Знакомое?

— Знакомое. Я ночью полтора часа думала.

Кирилл поставил чашку.

— Ну как вам сказать, — сказал он. — Мы, скорее всего, виделись. Я каждый день езжу мимо вашего дома, у меня тут рядом объект на Победе. И ещё я три года хожу в спортзал вон в том, — он махнул в сторону окна, — который на втором этаже, над аптекой. А до прошлого года по субботам играл в один зал с мужиками, которые потом завтракают вот в этом кафе. Алина посмотрела в окно. Второй этаж над аптекой — там, где светились окна и висел баннер «Тренажёрный зал. Первое занятие бесплатно». Тот самый зал, куда она записалась в январе.

— Господи, — сказала она. — Я туда ходила.

— Бывает.

— Пять раз.

— Тогда неудивительно, что не помню, — сказал Кирилл совершенно серьёзно. — Пять раз — это слишком мало, чтобы человека запомнить, и слишком много, чтобы просто так уйти.

Алина засмеялась и уронила вилку.

— Я вам, кажется, всё лицо залила, — Алина полезла под стол за вилкой.

Кирилл наклонился одновременно с ней, и они стукнулись лбами. Не сильно — но достаточно, чтобы Алина села обратно и потрогала лоб ладонью. Кирилл тоже сел и тоже потрогала — нет, потрогал, у себя, — и сказал:

— Вот это уже свидание.

— Это что, по-вашему, свидание?

— Я вам сейчас открою секрет. Я заказал столик, пришёл за сорок минут, потому что боялся опоздать, и пока сидел — успел придумать, что скажу, если вы не придёте. У меня было две версии. Первая — что вы передумали, вторая — что вы приехали, посмотрели на меня из окна и уехали. И до сих пор, знаете, не уверен до конца.

— В чём?

— Что вы тут. — Он показал на неё чашкой. — Сидите. В красном платье. И едите мой медовик.

— У меня свой.

— Я всё вижу.

Алина посмотрела на свою тарелку — от её медовика действительно остался один уголок, а у него половина.

Принесли счёт. Алина полезла в сумочку и наткнулась на салфетку, ключи и телефон; Кирилл уже положил карту на чек и прижал её ладонью.

— Нет, — сказала Алина.

— Почему?

— Потому что я пришла сюда как... — она искала формулировку и не нашла, — как самостоятельная женщина. У меня есть зарплата.

— У меня тоже.

— Тогда пополам.

— Согласен, — сказал Кирилл и, к её удивлению, отнял ладонь. — Только не сейчас. Заплатите в следующий раз, когда опять возьмёте два десерта.

— А если я возьму один?

— Тогда я буду ужинать вашим.

Алина положила свои деньги на стол, аккуратно, вровень с краем, как в детстве складывала на кассе. Кирилл протянул ей телефон.

— Давайте я запишу свой номер. И наберу вас — чтобы у вас он тоже был. Если, конечно, вы не против.

— Я не против.

Он набрал номер, и через секунду у Алины в сумочке что-то коротко зажужжало, и от этого жужжания у неё внутри всё сделалось глупо и легко.

— Я думал, — сказал Кирилл, — что нам необязательно ждать неделю. В выходные обещают жару, тридцать два. Можно погулять. Тут у вас недалеко парк, за рекой, я там иногда бегаю.

— Я не бегаю.

— Не надо бегать. Надо идти и есть мороженое.

— А если я не смогу в субботу?

— Тогда в воскресенье. Или в любой день, когда сможете.

— Он пожал плечами. — Я не гордый, я просто настойчивый. Это разные вещи.

Он встал и подал ей руку, чтобы она встала, — и Алина взялась, потому что после десяти сантиметров каблука и медовика это было разумно. Встала и увидела, что двое с ноутбуками давно смотрят на них, а девушка за стойкой в фартуке смотрит и улыбается, не скрываясь. В «Черёмухе» было

тёпло и пахло ванилью; гирлянда на веранде, та, что горит круглый год, мигала за стеклом.

На улице совсем стемнело. Мимо «Магнита» шли люди с пакетами, у аптеки гасло табло с температурой, и оно показывало плюс двадцать шесть. Кирилл пошёл её провожать, и это было четыре минуты пешком — она не сказала, куда идти, он не спросил, и они всё равно пошли в одну сторону.

— Мне налево, — сказала Алина уже у своего подъезда.

— Ага.

— То есть прямо здесь.

— Я понял.

Он не стал ничего добавлять, ни «ну, до выходных», ни руку не протянул, ни, слава богу, не полез обниматься на глазах у бабушек. Просто стоял и смотрел, как она набирает код, и Алина с третьей попытки попала в нужные цифры, потому что с первой две оказались не те.

— В субботу, — сказала она.

— В субботу.

Дверь закрылась, и последнее, что она увидела через стекло, — как он достаёт телефон и идёт в обратную сторону, а свет от витрины аптеки лежит у него на рубашке.

На третьем этаже она сняла туфли ещё в лифте. В квартире стояла тишина, гудела труба, на кухне лежала коробка из-под наполеона, а в прихожей — серый пакет из «Магнита», который она так и не вынесла. Алина посмотрела на него, потом взяла, развязала, вынула тапку и поставила к своей у

двери. Парная ей не полагалась — но и тапка была неплохая. Тёплая, войлочная, с примятой пяткой.

Она переоделась в ту футболку с принтом, вымыла руки, встала перед зеркалом в ванной и посмотрела на своё лицо со стрелками и на темные волосы, которые Наташа вытягивала сорок минут. Потом достала телефон и написала Кате.

«Два медовика. Он сварщик в белой рубашке. В субботу гуляем».

Ответ пришёл через четыре секунды, то есть Катя не выпускала телефон из рук:

«АААААААААА»

И следом:

«Я же говорила. Я всегда говорю».

Алина постояла в прихожей, глядя на красное платье, которое теперь висело на спинке стула, — не в чехле, а так, как вешают вещь, которую собираются надеть снова, — и пошла на кухню. Там она открыла коробку с наполеоном, отрезала себе кусок, а второй оставила на тарелке, накрыл полотенцем.

На всякий случай.

Пятница прошла в переписке, которую Алина потом, честно говоря, перечитывала дважды.

Утром пришло: «Доброе. У вас на Победе сегодня с утра опять меняли асфальт, так что идите на работу через двор». Она посмотрела в окно — и правда, у перехода стоял каток и пятеро мужиков в оранжевых жилетах. Написала: «Спасибо.

А вы откуда знаете, что я через Победу хожу?» Он ответил: «Я там работаю. У меня смена с семи».

Вечером он прислал фотографию: сварной шов, ровный, с чешуйками, как рыба кожа, и подпись «сегодня без единого огреха». Алина рассмотрела шов, ничего в нём не поняла и написала: «Красиво». Он написал: «Это лучший комплимент, который я получал за месяц».

Катя с Наташей приехали в пятницу около девяти, уже накормленные и потому спокойные, и уселись на её кухне в позе следователей. Коробка с наполеоном к тому моменту кончилась, поэтому к чаю нашлись только сушки. Катя держала сушку над чашкой и требовала подробностей, и Алина рассказывала — и про то, как он встал, когда она вошла, и про два медовика, и про то, что он не спросил ни про бывшего, ни про возраст, ни про квартиру, ни про детей.

— Стоп, — сказала Наташа. — Совсем не спросил?

— Совсем.

— Это подозрительно.

— Почему?

— Потому что нормальные мужики в сорок один спрашивают. Или про детей, или про съём, или про «а ты вообще как, серьёзные отношения хочешь». Это такой набор, как у стоматолога инструменты.

— Он, может, стеснялся, — сказала Катя.

— Он не стеснялся. — Наташа поставила чашку. — Он, может, просто нормальный. Это, девочки, редкий вид. Я та-

кое видела один раз, у клиентки на свадьбе. Жених ей весь вечер туфли снимал под столом.

— Что он делал?

— Снимал. Она в шпильках была, у неё нога затекла. Он сидел и по одному ремешку расстёгивал, и никто не видел, кроме меня, потому что я как раз носила горячее.

Катя засмеялась и уронила сушку в чай. Алина посмотрела в свою чашку и вспомнила, как Кирилл полторы минуты назад в переписке спросил: «Вы в шпильках в субботу пойдёте или как человек?». Она написала: «Как человек». Он написал: «Правильно. Парк длинный».

В субботу к вечеру стало двадцать девять. Не тридцать два, как обещали, но асфальт у них во дворе всё равно размяк, и у качелей стояла целая очередь из детей, а мамы сидели на бортике с водой в бутылках. Кирилл ждал её у арки, в футболке с коротким рукавом и в кедах, и при виде его Алина впервые задумалась, что ей, кажется, впервые за полтора года не надо придумывать, что надеть, чтобы не получить замечание.

— Пойдёмте через мост, — сказал он. — В парке у воды на четыре градуса меньше, я проверял в прошлом году. Я вообще-то метеостанцию свою веду. В блокноте.

— Зачем?

— Скучно на объектах. — Он пошёл рядом, чуть с её стороны от дороги, и Алина это заметила и ничего не сказала. — Я восемь лет вожу блокнот и записываю температуру и

ветер. Потом рисую графики. Вы теперь заранее знаете, что я странный.

— Я это знала с четверга.

— С какого момента?

— Когда вы назвали медовик логичным.

Они прошли по мосту, где под перилами шумно и быстро неслась река, тёмная сверху и жёлтая в отражениях фонарей. В парке пахло нагретой травой и пылью с гравийных дорожек. Кто-то на дальней площадке играл на гитаре и пел три аккорда — одни и те же, раз за разом. Пахло от воды тиной и мокрым песком, и с той стороны, где кафе на набережной, тянуло шашлыком.

— Мороженое, — сказал Кирилл. — Я обещал.

Ларёк стоял у входа в парк, синий, с выцветшей вывеской «Пломбир». Кирилл взял два рожка — себе ванильный, ей тот же, — и деньги отдал так, что Алина даже не успела возмутиться.

— Это не кафе, — сказал он. — За мороженое я плачу всегда. Правило.

— Список правил растёт.

— У меня их четыре. Я потом зачитаю весь.

Алина отошла в сторону от ларька и стала есть мороженое, глядя на воду. Оно таяло быстрее, чем она успевала, и первая капля потекла по пальцам, и Кирилл, без всякой паузы, вытащил из кармана бумажную салфетку и протянул ей. Просто протянул.

— Вы всегда носите с собой салфетки?

— Всегда. Я поэтому и живу один.

Алина засмеялась, подавилась мороженым, закашлялась, и он стукнул её ладонью между лопаток — раз, другой, аккуратно, как по чайнику. Когда она прокашлялась и подняла голову, он смотрел на неё сверху вниз и улыбался, и в этой улыбке не было ни грамма насмешки, одна только радость от того, что она стоит здесь, у воды, в июне, с мороженым на пальцах.

— Вы ужасная, — сказала Алина.

— Я знаю.

Они пошли дальше по аллее, мимо лодочной станции, где на воде качались три лодки под замком, мимо эстрады, где в прошлое воскресенье, судя по афише, выступал духовой оркестр, мимо детской железной дороги, которая работала до восьми. У сцены на танцполе под открытым небом пять пар топтались вокруг колонки с музыкой, и одна бабушка в сарафане танцевала одна, всерьёз, широко раскинув руки.

— Хотите? — спросил Кирилл.

— Что?

— Танцевать. Вон туда.

— Вы издеваетесь.

— Немного. — Он посмотрел на неё. — Но только немного. Пойдёмте лучше к воде, там мостки, там утки.

Мостки были деревянные, с одной стороны обломаны и подпёрты кирпичом, и на них сидела пара — парень с де-

вушкой, оба в наушниках, каждый в своём, и ели семечки. Утки держались в трёх метрах, как будто знали, что семечки не их, и всё равно ждали.

— У нас тут есть одна, — сказал Кирилл, — я её зову Толстая. Она однажды вылезла на мостки и просто стояла. Её никто не гнал. Мужик рядом сидел с удочкой, она стояла. Десять минут.

— И что?

— И ничего. Потрясающе. Стояла и всё.

Алина посмотрела на воду. В отражениях фонарей она была чёрно-жёлтая, и в ней виднелись полосы от проплывающих облаков, хотя облака были невидимы. Где-то далеко на том берегу ехал поезд, и от этого стук колёс шёл по мосткам, как через стол.

— Можно спросить? — сказала Алина.

— Можно.

— Почему вы вообще сидите на этом сайте? — Она сказала это ровно, без кокетства, потому что это был тот вопрос, который она собиралась задать и боялась, что если отложит, то не спросит. — Вы вот такой. Нормальный. С рубашкой и салфетками. На вас, я так понимаю, девушки должны...

— Вешаться?

— Да.

Кирилл качнул головой и какое-то время ничего не говорил. У парня с девушкой в наушниках зазвонил телефон, парень сказал «алё» и ушёл по мосткам к берегу, девушка оста-

лась сидеть одна и стала бросать семечки прямо в воду, и утки устроили из-за них драку.

— Я год назад развёлся, — сказал Кирилл. — Жена ушла. Не к кому-то, просто ушла, потому что со мной, по её словам, невозможно жить. Я, видите ли, не разговариваю о важном. Я говорю «нормально», когда плохо, и молчу, когда надо сказать что-то большое.

— Знакомая история, — сказала Алина.

— Ну вот. — Он усмехнулся. — Мне сорок один. Работа, зал, объекты, брат на Сахалине. Друзья у меня есть, но все женатые, и у всех дети, и мне в этом стало нехорошо — не потому, что я чужого счастья не выношу, а потому, что я там был лишним предметом. И тогда я зарегистрировался. Первый месяц писал одной женщине, она три раза отменяла встречу. Вторую пригласил в кино, она пришла с подругой. Потом я месяц не заходил. Потом зашёл опять — и вот уже четверг, я сижу в «Черёмухе» за сорок минут до начала и думаю: а если она не придёт, я, пожалуй, завяжу.

— И не завязали.

— Не завязал. — Он посмотрел на неё прямо. — Вы пришли.

Алина отвернулась к воде. Утки доели семечки и уплыли под мостки, оставив на воде круг из мелких перьев. Девушка с наушниками встала и пошла к берегу. На мостках они остались вдвоём.

— А вы? — спросил Кирилл. — Можно мне тот же во-

прос?

— Можно. — Алина сжала в кулаке пустую обёртку от мороженого. — Я полтора года была с человеком, который меня стеснялся. В прошлый четверг он мне это объяснил. Подробно, по пунктам. И привёз домой мои вещи в двух пакетах.

— В сером?

— Он один серый. Из «Магнита» был второй.

Кирилл помолчал.

— Алина, — сказал он наконец, и она впервые услышала, как он произносит её имя, — я вам сейчас скажу одну вещь, и вы можете считать её глупой.

— Скажите.

— Если бы я тогда, в спортзале, вас увидел, я бы, скорее всего, не подошёл. Я не умею подходить к женщинам. Вот к таким — точно не умею.

— И что это значит?

— Это значит, что я подхожу к вам второй раз, — сказал Кирилл. — Первого, видимо, было мало.

Алина посмотрела на него, на его спокойное загорелое лицо и на то, как он держит обёртку от мороженого — не смял, а сложил пополам, аккуратно, и держит. Он был взрослый и, кажется, ни на секунду за весь вечер не смутился; и от этого с ним было не легко, а надёжно, как будто рядом стоит стена, которая ничего от тебя не требует, только чтобы ты не падала.

— У меня было плохо с готовкой, — сказала Алина вдруг. — Я умею макароны с сосисками. И борщ, но он у меня такой... — она показала рукой, — полусладкий. Это нехорошо?

Кирилл задумался.

— Борщ важнее, чем кажется, — согласился он. — Но я, если честно, готовлю сам. Я восемь лет прожил с женщиной, которая не умела готовить, и теперь у меня чугунная сковорода и три любимых блюда. Так что мы как-нибудь решим.

Она фыркнула.

— Что «мы»?

— Я оговорился, — сказал Кирилл без всякого смущения.

Они пошли назад, и обратный путь вышел длиннее, хотя дорога была та же. У эстрады духовой оркестр уже не выступал, но колонка играла, и та бабушка в сарафане всё ещё танцевала одна, а вокруг неё уже собралось трое детей, которые просто смотрели и не смеялись. За лодочной станцией пахло тиной и дымом от чьего-то мангала. Кирилл сказал, что в прошлом году тут потопили чужую лодку, и это самая длинная история, которую он знает, и он её рассказывает только избранным. Алина сказала, что она готова. Он рассказал: история была на полторы минуты и совершенно неинтересная, и оба смеялись всю дорогу до моста.

У арки он остановился.

— Так, — сказал он. — Смотрите. У меня в следующую субботу объект сдаётся, я неделю буду в мыле. Но в среду

вечером я свободен.

— В среду я тоже.

— Запишите. — Он достал телефон. — Я запишу, а вы проверьте, что правильно.

Али написал «среда, 19:00, Алина». И показал ей экран, и там было ровно это, и ничего больше: ни номера квартиры, ни адреса, ни приписок. Алина посмотрела и вдруг поняла, что если он её сейчас поцелует, она не отстранится. И он не поцеловал.

— До среды, — сказал Кирилл и поднял руку, как поднимают её на прощание товарищи по работе: коротко, по-мужски, без всякой игры.

Алина вошла в подъезд, поднялась, сняла кеды, включила свет и села на пол в прихожей, потому что так и не купила табуретку в коридор. Потом достала телефон.

«Он не поцеловал меня».

Катя ответила почти сразу:

«ИДИОТ»

И через секунду:

«Или джентльмен. Это, Алина, две большие разницы, но тебе, судя по всему, повезло со вторым».

В среду Алина вышла из дома в семь и обнаружила, что Кирилла у арки нет.

Она постояла пять минут. Потом десять. Двор жил обычной июньской жизнью: у качелей орал мальчик, которого уводили домой; на лавочке те же четыре бабушки обсужда-

ли, у кого чище подъезд; из «Магнита» вышли две женщины с пакетами и остановились поболтать у урны. Алина сходила к ларьку, купила воды и вернулась. Он не пришёл.

На пятнадцатой минуте она написала: «Я у арки». Сообщение прочиталось не сразу. Алина посмотрела на «доставлено», потом на «прочитано», и внутри у неё что-то спокойно и буднично съехало вниз, как смета, в которой сошлось не то, что должно было сойтись.

«Иду», — написал он.

И через три минуты во двор быстро вошёл человек в чёрном.

Он был в чёрной рабочей футболке и чёрных штанах, и футболка на нём была мокрая от пота и в мелких, серых от пыли пятнах, а на руках до локтей остались разводы, как будто он мылся торопливо, на ходу, в какой-то раковине на объекте. Волосы были приплюснуты. На плече висела сумка с инструментом, и она тяжело шлёпала его по боку при каждом шаге.

— Простите, — сказал Кирилл, ещё не дойдя. — Ради бога, простите. У меня в четвёртом подъезде трубу сорвало, и я не мог уйти, пока не заварил. Люди без воды. Я вам звонил, но у вас, наверное, без звука.

— У меня без звука, — сказала Алина.

Он остановился перед ней, посмотрел на свои руки, потом на её белое платье, и стало совершенно понятно, что он думает.

— Я не могу вас вести в кафе, — сказал он. — Я грязный, как черт. Я вам сейчас испачкаю всё.

— А куда вы можете меня вести?

— Никуда, — сказал Кирилл с полной честностью. — Я могу отвезти вас домой. Или мы можем пойти в шалман у перекрёстка, где продают шаурму, там стоят столы из фанеры, и там на меня никто не посмотрит, потому что там все такие.

Алина посмотрела на его руки, на тяжёлую сумку, на пот, который шёл по виску и который он не вытирал, потому что вытирать было нечем.

— Ведите в шалман, — сказала она.

— Серьёзно?

— У меня, между прочим, в детстве отец работал на стройке, и я знаю, как пахнет цемент.

— Это не цемент, это замазка.

— Тем более.

Шалман у перекрёстка оказался маленьким павильоном с вывеской «Гриль-хаус» и тремя фанерными столами под навесом, на которых стояли салфеточницы с зелёными бумажными салфетками. Над ними висел телевизор, включённый без звука, и в нём показывали новости про урожай. За столом слева спал мужчина, положив голову на куртку, а за столом справа две девушки в медицинских костюмах спорили, чья смена хуже.

— Два шашлыка в лаваше, — сказал Кирилл в окно. — И

два чая. Чай у них в пакетиках. Вы не против пакетика?

— Я выросла на пакетиках.

Они сели за стол. Алина положила сумочку на колени, потому что стол был липкий в одном месте, а Кирилл сел напротив и всё-таки вытер руки бумажной салфеткой, тремя подряд, хотя смысла уже не было.

— Я вам испортил вечер, — сказал он.

— Вы мне не испортили вечер.

— Испортил. Я знаю, как это выглядит: женщина стоит во дворе с водой, ждёт, а потом приходит мужик в замаске и ведёт её есть шаурму.

— Знаете, что я думала, когда стояла?

— Что я не приду.

— Нет. Что вы не придёте. — Алина взяла салфетку и стала крутить её в пальцах. — И мне было неприятно не из-за шаурмы. Мне было неприятно, потому что я уже час стояла и представляла, как вы передумали.

Кирилл отставил чай.

— Не передумал, — сказал он.

— Я вижу.

— Я вам не изменю и не передумаю, — сказал он ровно, без нажима. — Это, если хотите, тоже правило. Пятое.

Алина подняла на него глаза. Он был уставший до серого лица, у него дрожали руки от сварки, и в телевизоре над его головой беззвучно шёл сюжет про комбайн, но он смотрел на неё так, будто она тут самая важная вещь на этом пере-

крёстке.

Шашлык принесли в лаваше, щедро, с кетчупом, и он потек по пальцам, и салфетки в зелёной салфеточнице кончились через минуту, и Кирилл выпросил ещё горсть. Медички ушли, споря. Мужчина за левым столом проснулся, посмотрел на них, сказал «хорошая пара» и снова уснул.

Потом над городом что-то гроыхнуло, и через минуту по навесу застучало часто и весело.

— Дождь, — сказала Алина.

— Гроза. Я же говорил, в моём блокноте на эту среду стояло «осадки с восьми».

— У вас в блокноте стояло?

— У меня графики точные, — сказал Кирилл. — Я хотел до дождя вас проводить, но теперь придётся ждать. Я, если хотите, за угол сбегая, куплю вам зонт. Тут близко.

— Стоп.

— Что?

— Зонт у меня дома. И у вас будет только один, и вы вернётесь мокрый.

— Вернусь, — согласился Кирилл. — Ну и что.

Алина посмотрела на стену воды, которая встала между навесом и дорогой. Под навесом пахло шашлыком и влажной пылью; вода неслась по асфальту и уходила в решётку у бордюра, а на светофоре стояло три машины, и дворники у них ходили, как метрономы.

— Не надо, — сказала она. — Давайте сидеть.

Он сел обратно. Она накрыла ладонью его руку — не потому что решила, а просто там, на фанерном столе, ладонь сама легла ему на сгиб, и под пальцами у него было горячо.

— Дождь на всю ночь? — спросила Алина.

— Минут двадцать.

— Вам откуда знать?

— У меня графики, — сказал Кирилл. И они оба засмеялись так, что проснулся мужчина за левым столом.

Дождь кончился через двадцать три минуты — Кирилл посмотрел на телефон и сказал «двадцать три, я проиграл, обещал двадцать».

Они вышли из-под навеса в мокрый, парной воздух. Асфальт блестел, как чёрная глазурь; лужи стояли в колдобинах, и Кирилл каждый раз обходил их с её стороны, заходя по щиколотку в воду, а она шла по сухому. Он не делал из этого никакого представления — просто шёл и всё.

— У вас, кстати, правило, — сказала Алина. — Вы не по правилам живёте, вы по графику.

— График — это не правило. График — это когда совесть чистая.

— А правила?

— Правила это то, что я себе сказал, когда мне было плохо. Их нельзя нарушать, потому что тогда всё снова будет плохо.

Алина покосилась на него.

— Сколько вам было лет?

— Тридцать восемь.

Они прошли светофор, где пахло мокрым железом и тор-
мозами, и мимо «Магнита», где у входа стояли тележки од-
на в одной, как гнёзда. Двор после дождя пах совсем иначе:
тополиным пухом, прибитым к земле, землёй из палисадни-
ка, у которого дворник как раз домывал бордюр. Бабушки
на лавочке перебрались под козырёк подъезда и сидели там
вчетвером и с собакой, и собака при виде Кирилла подняла
голову и гавкнула один раз, без интереса.

— Это ваша? — спросил Кирилл.

— Собака? Нет.

— А эти женщины?

— Тоже нет.

— Я думал, вы во дворе всё знаете.

— Я тут живу четыре года, — сказала Алина. — И до се-
годняшнего дня ни с кем из них не разговаривала. А в чет-
верг мне одна сказала, что я красивая. Я стояла и не знала,
что ответить.

— И что вы ответили?

— «Спасибо, я в кафе».

Кирилл засмеялся, коротко и по-настоящему, и от его
смеха одна из бабушек повернулась и посмотрела на них с
явным одобрением.

У арки он остановился. Уже стемнело, фонарь над аркой
горел криво и давал свет на одну сторону, поэтому Алина
стояла в тени, а Кирилл — в жёлтом пятне, и по его лицу

было видно, что он собирается что-то сказать и не находит формулировки. У человека, который тридцать минут назад говорил про объект и про графики, вдруг стало очень сосредоточенное лицо.

— Алина, — начал он.

— Мм?

— У меня весь вечер был план. Я собирался вас накормить в нормальном месте, потом проводить, потом сказать вам одну вещь.

А получилось, что я накормил вас шаурмой в замаске и вообще ничего не сказал.

— Скажите сейчас.

Кирилл помолчал ещё секунду. Потом шагнул в тень к ней, взял её лицо двумя руками — и вот эти руки, которые полтора часа держали сварку и были в разводах, оказались на её щеках совершенно уверенно и совершенно бережно, — и поцеловал.

Первый поцелуй у него был неловкий. Он попал ей в уголок рта, потому что она в последний момент чуть повернула голову, и они оба одновременно засмеялись прямо в этот поцелуй, и он сказал «подождите», отступил на полшага, посмотрел на неё и поцеловал второй раз — уже куда надо.

От него пахло соляжкой, металлом и дождём. Она держалась за его предплечье, потому что иначе у неё что-то нехорошо делалось с равновесием, а он не торопился отходить, и они простояли так минуту, пока от подъезда не раздался

отчётливый голос:

— Молодые люди! Во дворе дети!

— Дети в девять спят, — сказал Кирилл, не поворачиваясь.

— Мои не спят!

Он всё-таки отступил. Алина стояла и чувствовала, как у неё горит лицо, и понимала, что улыбается как ненормальная, и остановить это не может.

— Я позвоню, — сказал Кирилл. — Мы в пятницу сдаём объект, а в субботу вечером я свободен. Я вас позову к себе. У меня чугунная сковорода. Я вам обещал борщ — вот я его и сварю, посмотрим, кто из нас полусладкий.

— Это шантаж.

— Это приглашение. — Он поднял сумку с инструментом, которая всё это время стояла у его ноги, и она жалобно брякнула. — Всё, я пошёл. Мне ещё в контору заехать, отчитаться.

Он ушёл по мокрому двору, и сумка стучала его по боку, и он обернулся у арки один раз — просто обернулся, ничего не сказал, — и исчез в темноте.

Алина вошла в подъезд. На третьем этаже она сняла босоножки и пошла босиком по плитке, потому что была вода. В квартире горел свет, который она забыла выключить, гудела труба, на столе в кухне стояла тарелка с куском наполеона под полотенцем. Алина посмотрела на неё, вытащила кусок, съела стоя, у раковины, вымыла руки и легла.

Телефон зажужжал через минуту.

«Дошли?»

«Дошла. Двор чистый, вода ушла».

«Тогда всё по графику».

«Спокойной ночи, Кирилл».

«Спокойной ночи. Пятница, потом суббота. Я посчитал: тридцать девять часов».

Алина перечитала эту строку, потом накрыла телефон ладонью, как будто он мог что-то подслушать, и всё-таки засмеялась в темноте.

В субботу Алина встала в девять и обнаружила, что ей нечего делать.

Она вымыла пол, полила цветок, который стоял у окна и, кажется, был на грани, сходила в «Магнит» и вернулась, потому что забыла, зачем шла. В двенадцать позвонил Кирилл: «Я освободился, сдал объект, у меня руки помыты. Приезжайте в шесть. Адрес скину». Алина посмотрела на часы, на которых было двенадцать минут первого, и поняла, что до шести шесть часов.

В три она начала собираться. В пятом часу стояла перед шкафом и держала в руках два варианта: то самое красное — и простое льняное с пуговицами, которое она любила и в котором, по мнению Андрея, выглядела «как на дачу». Она выбрала дачное.

В шесть без пяти она вышла из маршрутки на остановке «Хлебозавод» и пошла по адресу мимо длинных панель-

ных девятиэтажек, мимо голубятни, мимо частного сектора, где у одного дома на воротах сидел настоящий кот и смотрел на прохожих с явным презрением. Дом был кирпичный, старый, с высокими потолками и тамбуром, в котором пахло чужими обедами. Лифт в нём не работал — или, как гласила записка на дверце, «включ. с 7 до 19, в воскр. с 9», и Алина пошла на пятый пешком.

Дверь открылась сразу, как будто он стоял и ждал у порога за ней. Он был в серой домашней футболке и в спортивных штанах — и это было первое, что Алина увидела, и это ей понравилось больше, чем белая рубашка.

— Проходите, — сказал Кирилл. — Тапки вон, выбирайте любые. У меня их пять.

— Я их теряю, потом покупаю новые, потом нахожу старые.

Алина разулась и выбрала войлочные серые тапки. Они оказались мужские и огромные, и она пошла в них по коридору, как в лодках.

Квартира была очень аккуратная и очень странная. На кухне висел над столом настоящий барометр, а под ним — расчерченный от руки график на листе А4, приколотый кнопками к стене. На холодильнике магнитом держался список, в котором было семь пунктов, и Алина успела прочитать только «соль» и «проверить фильтр». Спальня, в которую она заглянула через открытую дверь, была обычная — кровать, шкаф, — а на шкафу стоял маленький самолётик

из металла, припаянный из чего-то, похоже, из подручного.

— Это вы?

— Это я. Из арматуры. Долго.

— Зачем?

— Красиво же.

Она прошла на кухню. Там на плите стояла огромная чугунная сковорода, и рядом — кастрюля, и в кастрюле что-то булькало, и пахло так, что у Алины заурчало в животе громко и предательски, и она прижала руку к животу, но было поздно.

— Вот, — сказал Кирилл.

— Это борщ?

— Это борщ. Я предупреждал, что я в этом деле фанатик.

Он дал ей понюхать, и она посмотрела в кастрюлю: там были и свёкла, и капуста, и фасоль, и ещё что-то, и сверху плавали две крупные ложки нормальной сметаны, которую он, судя по банке на столе, купил не в «Магните».

— У меня нет пяти правил, — сказала Алина. — Но у меня есть один вопрос.

— Давайте.

— Вы знаете, что я пришла к вам домой через неделю после того, как меня выставили в двух пакетах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.